

21 век. Библиотека школьника

М. Твен

Приключения
Тома Сойера

Марк Твен
Приключения Тома Сойера
(адаптированный пересказ)
Серия «21 век. Библиотека школьника»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43472565
Приключения Тома Сойера: Директ Медиа; М.; 2014
ISBN 978-5-4458-8651-8

Аннотация

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам.

В книгу вошел самый известный роман классика американской литературы «Приключения Тома Сойера».

Содержание

1. Бой до победного конца	5
2. Малярные работы	14
3. Война и любовь	20
4. Лауреат	25
5. Жук и его жертвы	36
6. Бекки Тэтчер	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марк Твен

Приключения Тома Сойера

© Родин И. О., текст, 2014

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

1. Бой до победного конца

– Том!

Тишина.

– Том!

Тишина.

– Куда же он подевался!.. Том, где ты?

Тишина.

Тетя Полли опустила очки на нос и оглядела комнату поверх очков, затем подняла их на лоб и повела глазами из стороны в сторону. Минуту-другую старушка пребывала в растерянности, а потом произнесла – достаточно громко, чтобы мебель в комнате могла ее слышать:

– Ну погоди, я до тебя доберусь...

Она наклонилась и стала тыкать щеткой под кровать. Никого, кроме кошки, извлечь на свет не удалось.

– В жизни мне не попадался такой баловник!

За спиной послышался слабый шорох. Старушка резко обернулась, и как раз вовремя: она успела крепко схватить за полу коротенькой куртки мальчишку, который осторожно крался к открытой двери.

– Ага! Опять я забыла про чулан! Ты ведь оттуда? Что тебе там надо?

– Ничего.

– Неужели? А в чем у тебя руки? И рот тоже?

– Не знаю, тетя.

– Зато я знаю. Это варенье! Сколько раз я тебе говорила: не смей таскать варенье без спросу! Я тебе обещала, что выдери? Отвечай!

Том насупился.

– Давай сюда розгу.

Тонкий прут взвился в воздухе. Казалось, избежать неприятностей не удастся.

– Ой, тетя! Что у вас за спиной?!

Старушка обернулась, испуганно подобрав юбку. Одной секунды мальчику хватило, чтобы метнуться за дверь, перемахнуть через высокий забор и исчезнуть без следа.

Тетя Полли возмущенно охнула, но уже в следующую минуту махнула рукой и добродушно рассмеялась.

– Эх, Том, Том! Ну что мне с ним делать! – проговорила она. – Давно уж мне пора было привыкнуть к его розыгрышам. Недаром говорят: и на старуху бывает проруха. Главное, ведь мальчишка прекрасно знает, что стоит ему меня рассмешить или отвлечь хоть на минуту, я и растаю! Что ни день – выдумает что-нибудь новое. Разве угадаешь, что ему придет в голову? Баловник, одно слово, а у меня рука не поднимается шлепать этого бесенка. Ведь он сын моей покойной сестры и круглый сирота. Как позволю ему сбежать от розги, меня потом совесть мучает, а если накажу – сердце прямо разрывается. Вот сегодня, например. Он прогулял школу, значит, завтра должен быть наказан. Что же мне с ним сде-

лать? Ага... Том ненавидит трудиться, а потому, засажу-ка я его за работу прямо с раннего утра. Жалко, конечно, мучить ребенка. У всех детей выходной... Но долг превыше всего. Надо быть твердой, иначе я окончательно испорчу мальчика.

Том, который к этому моменту был уже далеко, и в самом деле не пошел в школу. Он отлично провел время и едва успел вернуться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить дров и наколоть щепок для растопки – это входило в его обязанности. Во всяком случае, Том успел рассказать Джиму о своих похождениях, пока тот, качая от изумления головой, переделал три четверти работы. Младший, сводный, брат Тома, Сид, ловко собрал щепки и отнес их к топке. Сиды всегда ставили Тому в пример, потому что он был послушный и тихий, и не имел привычки доставлять неприятности взрослым.

Том с честным лицом уселся ужинать. Украдкой от тети Полли он умудрился стащить со стола несколько кусков сахара и спрятать лакомство в карман. Старушка сидела, подперев лицо ладонью, и время от времени задавала племяннику каверзные вопросы, не сомневаясь, что он непременно попадет в расставленные ею ловушки и проболтается, что прогулял уроки.

– Том, сегодня в школе было не очень жарко?

– Нет, тетя.

– Или все-таки жарко?

– Да, тетя.

– Неужели тебе не хотелось искупаться, Том? Том бросил недоверчивый взгляд в сторону тети Полли. В душу его закралось подозрение. Лицо тети оставалось непроницаемым.

– Да нет, в общем-то не хотелось.

Старушка ощупала рубашку Тома.

– Надо же, даже не вспотел, – заметила тетя Полли.

Она мысленно поздравила себя. Это был хитрый ход: проверить, сухая ли у Тома рубашка, чтобы мальчик даже не понял, к чему она клонит. Однако Том мигом разгадал, в каком направлении вертятся мысли тети, и предупредил следующий вопрос.

– В школе действительно было жарковато, тетя. Ребята обливали друг друга из шланга. У меня волосы до сих пор мокрые, смотрите!

Тетя Полли немного расстроилась, что упустила из виду такую важную улику. Однако ее немедленно посетила новая удачная идея.

– Том, чтобы сунуть голову под струю воды, ведь не надо распаривать воротник рубашки, который я зашила утром, верно? Расстегни куртку, я посмотрю, на месте ли шов.

Лицо Тома посветлело. Он послушно распахнул куртку. Воротник был крепко зашит.

– Ну, ладно! – отступила тетя Полли. – Я, признаться, решила, что ты сбежал с уроков и пошел купаться. А ты на самом деле не так плох, как хочешь казаться, Том.

Хитрые уловки не принесли результата, но старушка бы-

ла довольна: хоть раз Тома не пришлось уличать во лжи. По совести, ей совсем не хотелось наказывать мальчика. Тетя Полли совсем было собралась отпустить Тома, но тут вмешался Сид.

– Мне показалось, вы зашивали воротник белой ниткой, а здесь черная.

– Ну да, я зашивала белой! Том!

Том не стал дожидаться выяснения подробностей и пулей вылетел за порог.

– Ты у меня еще попляшешь, Сидди! – выкрикнул он напоследок.

Том спрятался в укромном уголке и внимательно осмотрел две иголки, приколотые с обратной стороны лацкана куртки и обмотанные нитками: одна белой, вторая черной.

– Она бы не заметила, если б не Сид, – пробормотал Том. – Ладно, вечером я ему устрою!..

Однако, не прошло и пяти минут, как мальчик забыл о своих неприятностях. Новый, более сильный интерес вытеснил прежние переживания из его души. Дело в том, что сравнительно недавно Том перенял у одного знакомого негра совершенно особенную манеру свистеть, и теперь ему хотелось поупражняться в этом искусстве. Том свистел по-птичьи, часто дотрагиваясь языком до неба, отчего получалась длинная певучая трель. Сердце мальчика переполнялось радостью от сознания, что ему удалось добиться таких потрясающих успехов. Он весело шагал по улице и восхищался

собой.

Неожиданно Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомый мальчишка, чуть повыше его самого. Приезжий любого возраста был редкостью в захудалом городишке Сент-Питерсберге, где жили Сойеры, и потому не заметить новичка было просто невозможно.

Стоявший перед Томом выскочка был хорошо одет: на нем красовался нарядный костюм, и это в будний день! Том неприязненно оглядел новую модную шляпу и чистую суконную куртку, застегнутую на все пуговицы, и такие же новые штаны незнакомца, затем перевел взгляд на ноги. Увиденное переполнило чашу терпения Тома. Мальчишка был в башмаках! Неслыханно! У него имелся даже галстук из какой-то яркой ленты. Такие носили только городские щеголи. Том долго и внимательно смотрел на малолетнего франта, все выше задирая перед чужаком нос – по той простой причине, что чем дальше он смотрел, тем более убогим казалась ему его собственная одежда.

Несколько минут мальчишки в упор разглядывали друг друга.

- Хочешь, поколочу? – нарушил, наконец, молчание Том.
- Где тебе! – последовал ответ.
- Сказал, что поколочу, значит, поколочу.
- Не сможешь.
- Смогу.
- Не сможешь!

– Фу ты, ну ты! Захочу, одной левой тебя уложу.

– Что ж не бьешь? Только болтаешь.

– Будешь дурака валять – и прибую.

– Ну, прибей! Чего стоишь?

– Ишь вырядился! Велика птица! Еще и в шляпе!

– Что, не нравится? Попробуй сбей, тогда получишь.

Снова повисло молчание, а потом оба принялись ходить по кругу, косясь друг на друга. Еще пара минут – и они сошлись плечо к плечу.

– Убирайся отсюда! – заявил Том.

– Сам убирайся! – не остался в долгу чужой.

– Не хочу.

– И я не хочу.

Последовала смачная оплеуха, и бой начался. Оба мальчика стояли, выставив одну ногу вперед, как опору, и изо всех сил стараясь повалить противника. Напряженное пыхтение продолжалось несколько минут, однако ни тот, ни другой не мог одолеть. Наконец, раскрасневшиеся, они осторожно отступили друг от друга.

– Ты трус и щенок, – объявил Том. – Вот скажу старшему брату, он тебе задаст как следует, одним мизинцем прикончит.

– Плевать я хотел на твоего брата! У меня у самого есть брат, еще старше. Как перекинет твоего через забор!

Оба брата были плодом нехитрой мальчишеской фантазии.

– Врешь!

– Кончай трепаться!

Большим пальцем ноги Том провел на дороге черту.

– Только перешагни эту линию, я тебя как отлуплю, что своих не узнаешь. Попробуй только, не обрадуешься. Кто перейдет эту линию, тот покойник!

Новый мальчик поспешно перешагнул черту.

– Ну-ка, посмотрим, кто здесь покойник!

– Ты не толкайся, а то как дам!

– Ну и как ты мне дашь? Чего же не дерешься?

– Давай два цента, отлуплю.

Новый мальчик достал из кармана два больших медяка и насмешливо протянул Тому. Том ударил его по руке, и монеты полетели в пыль. В тот же миг оба мальчика сцепились по-кошачьи и покатались по земле. Спустя пять минут бесформенная пылящая масса приобрела некоторые очертания и сквозь пылевую завесу стало можно разглядеть, что Том оседлал чужого мальчика и молотит его кулаками.

– Проси пощады! – потребовал Том.

Мальчик только сильнее забарахтался, пытаясь высвободиться, а потом заревел – больше от злости, чем от боли. Том не уступал, и в конце концов поверженный щеголь сдавленным голосом признал себя побежденным. Том великодушно выпустил его.

– В другой раз смотри, кому на ногу наступаешь, – заявил победитель и добавил на всякий случай, – щенок.

Щенок, обиженно всхлипывая, сопя и отряхивая пыль с новой одежды, побрел прочь, пообещав на прощание задать Тому перцу.

– Когда поймаю тебя в следующий раз, – уточнил он.

Том вволю посмеялся над ним и в отличном настроении направился домой. Однако едва он повернулся спиной к чужаку, тот схватил камень и бросил, угодив Тому между лопаток. Не замечая боли и громко обзывая незнакомца гадом и подлецом, Том гнался за ним до самого дома и узнал, где живет его обидчик. Некоторое время Том сторожил у калитки, вызывая гада и подлеца на улицу, но тот только строил ему из окна рожи. Кончилось тем, что на крыльце появилась мамаша обидчика.

– Грубиян! – заявила она Тому. – Скверный и невоспитанный мальчишка! Убирайся прочь!

Том вернулся домой очень поздно и, осторожно влезая в окно, обнаружил у себя в комнате засаду в лице тети Полли. Когда старушка увидела, в каком состоянии одежда ее непутевого, но боевого племянника, ее решимость заменить Тому субботний отдых каторжной работой окрепла окончательно.

2. Малярные работы

Наступило летнее субботнее утро. Все дышало свежестью и прохладой, солнечные лучи пронизывали листву деревьев и радостно играли бликами на песчаной тропинке, ведущей к воротам.

Из ворот дома Сойеров появился Том с ведром известки и длинной кистью. Он оглядел забор, и радостное выражение мгновенно слетело с его лица. Душа Тома погрузилась в глубокое уныние. Забор представлял собой сооружение длиной около двадцати пяти метров и высотой чуть меньше трех. Наказание, наложенное тетей Полли, заключалось в том, что провинившийся племянник должен был всю субботу производить малярные работы, а проще говоря – красить забор.

Том со вздохом обмакнул кисть в известку и провел тонкую белую полосу по серой шершавой доске. Какой ничтожно малой казалась эта полоса по сравнению с безбрежным некрашеным пространством!

Том вспомнил, как весело собирался провести этот выходной день, и горе его возросло еще больше. Скоро другие мальчики выйдут на улицу и отправятся в разные интересные места. Нет сомнений, что они будут издеваться над тем, что Тома заставили работать. Надо заметить, что Том терпеть не мог, когда над ним смеялись.

Он со вздохом вытащил из кармана все свои сокровища

и стал внимательно рассматривать их. Здесь были сломанные игрушки, алебастровые шарики, обрывки веревки, но вся эта ерунда могла стодиться только на то, чтобы купить себе не больше пяти минут свободы. Пришлось рассовывать свои жалкие капиталы по карманам. Идея с подкупом других мальчиков не оправдала себя, и требовалась новая, более продуктивная. В эту мрачную минуту Тома вдруг осенило. Блестящая, гениальная мысль, настоящее вдохновение!

Он взялся за кисть и не торопясь, основательно, принялся красить шершавые доски. Скоро из-за угла показался Бен Роджерс – острый на язык мальчишка, насмешек которого Том опасался не без оснований. Бен жевал большое яблоко и время от времени издавал протяжный, мелодичный свист, после чего переходил на низкие частоты и гудел, словно самый настоящий пароход, который и изображал весьма похоже.

Подойдя поближе, Бен убавил ход и стал рядом с Томом, громко чавкая и очень серьезно, за капитана, отдавая самому себе команды.

– Право руля! Задний ход! Эй, на берегу! Принимай швартов!

Тот по-прежнему белил забор, не обращая на него никакого внимания. Уяснив, что завистливых взглядов приятеля ему не дожидаться, Бен перешел в наступление.

– Ага, попался!

Ответа не последовало. Том, словно живописец, при-

стально, прищурив глаза, любовался своим последним мазком. Бен оторопело уставился на него, потом подошел и стал рядом с Томом. Яблоко у него в руке источало такой сладкий аромат, что Том поневоле проглотил слюну.

– Что, Том, работать заставляют? – небрежно бросил Бен.

Том резко обернулся в его сторону и подскочил, будто от неожиданности.

– Фу, это ты, Бен, – облегченно протянул он. – Я и не заметил.

– Слушай, я иду купаться, – деловито продолжал Бен. – Хочешь тоже пойти? Хотя, нет, конечно. Тебе придется работать.

Том пристально посмотрел на Бена.

– О какой работе ты говоришь?

– Как, то есть? Это, по-твоему, не работа, что ли?

Бен насмешливо кивнул в сторону забора. Том снова взялся за кисть.

– Кому как, – невозмутимо ответил он. – Может, работа, а может, и нет. Я знаю одно: Тому Союеру она нравится.

– Чего? Ты хочешь сказать, что ты любишь белить заборы?

Том равномерно задвигал кистью по шершавой доске.

– А почему ты так удивляешься? Тебе что, каждый день достается белить забор, Бен?

Дело приняло совсем другой оборот. Бен перестал жевать яблоко. Том осторожно водил кистью вверх-вниз, останавливаясь время от времени, чтобы отойти на пару шагов и по-

любоваться результатом. Бен следил за каждым его движением, проявляя все большую заинтересованность.

Прошло три минуты.

– Слушай, Том, дай мне побелить немножко, – наконец выдал Бен.

Том задумался и в первый момент как будто готов был согласиться, но потом вдруг передумал.

– Нет, Бен, ничего не получится, – помотал он головой. – Для тети Полли очень важно, чтобы забор был покрашен как следует. Понимаешь, если б это была та сторона, что выходит во двор, она бы слова не сказала. Но речь идет о фасаде. Он смотрит на улицу. Его знаешь как надо белить? Может, один мальчик из тысячи, а то и из двух тысяч сумеет покрасить, как она требует.

Бен нетерпеливо затоптался на месте.

– Слушай, пусти меня попробовать, хоть чуть-чуть. Том, я бы тебя пустил, если б ты был на моем месте.

– Бен, я бы с радостью, честное слово! – воскликнул Том, округляя честные глаза. – Только тетя Полли... Нет, она ни за что не разрешит. Джиму тоже хотелось покрасить, а она не дала. Сиду хотелось, она и Сиду не позволила. А теперь представь: я тебе доверю, а вдруг что-то не так...

– Том, я же буду стараться. Хочешь, я тебе дам серединку от яблока?

– Ну, ладно... Хотя нет, Бен, лучше не надо. Я боюсь.

– Я все яблоко тебе отдам!

Том с выражением мучительного сомнения на лице выпустил кисть из рук. Душа его ликовала. И пока бывший паромщик трудился в поте лица на солнцепеке, удалившийся от дел живописец, уселся в тени, принялся болтать ногами, жевать хрустящее яблоко и обдумывать дальнейший план обеспечения всеобщей занятости.

За новыми малярами дело не стало. История Бена Роджерса повторилась еще неоднократно. То один, то другой мальчик пробегал по улице, и каждый из них подходил, чтобы поиздеваться над Томом, после чего оставался белить забор. Когда Бен устал, Том продал следующую очередь Билли Фишеру за подержанного бумажного змея. Его место заступил Джонни Миллер, купив право на малярные работы задохлую крысу на веревочке, чтобы ее удобнее было вертеть.

Время шло. К середине дня Том, еще утром имевший в кармане жалкие гроши, стал богачом и буквально утопал в роскоши. Кроме ценностей, полученных от Бена, Билли и Джонни, теперь у него было двенадцать алебастровых шариков, сломанная губная гармошка, осколок синего бутылочного стекла, пустая катушка, ключ, который ничего не отпирает, кусок мела, хрустальная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопущек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник без собачки, черенок от ножа, четыре куса апельсиновой корки и старая оконная рама. На заборе по всей длине и высоте сохла аккуратно нанесенная в три слоя известка, и если бы побел-

ка не кончилась, Том вне всякого сомнения разорил бы всех городских мальчишек.

3. Война и любовь

Том отправился докладывать о своих свершениях тете Полли, которая сидела у открытого окна в уютной комнатке, служившей одновременно спальней, гостиной, столовой и кабинетом. Теплый летний воздух, умиротворяющая тишина, запах цветов и низкое гудение пчел оказали свое действие, и старушка задремала над вязанием. Она была убеждена, что Том не только не выполнит порученной ему работы, но и, скорее всего, сбежит при первой возможности. Поэтому добровольное появление племянника на пороге комнаты и его осторожное покашливание очень удивило тетю Полли.

– Ты, что, Том?

– Я пришел спросить, тетя, можно мне теперь пойти поиграть?

– Как, уже? Сколько же ты сделал?

– Все, тетя.

– Том, не ври, я этого не люблю. Сколько ты покрасил?

– Я говорю правду, тетя. Все готово.

Жизненный опыт приучил старушку не верить Тому на слово. Она отправилась проверять работу племянника и была бы довольна, если бы слова Тома оказались правдой хотя бы на двадцать процентов. Когда же тетя Полли увидела, что весь забор не только выбелен, но и покрыт известкой в три

слоя, а кроме того, на земле проведена аккуратная белая полоса, удивлению старушки не было границ.

– Ну и ну! – протянула она. – Должна сказать, ты умеешь работать, когда захочешь... Жаль только, Том, что это очень редко с тобой случается. Ладно, ступай играть.

Тетя Полли была настолько поражена сногшибательными достижениями Тома, что от вела его в чулан, выбрала в корзине самое румяное яблоко и преподнесла племяннику. Улучив минутку, когда старушка отвернулась, Том успел стянуть у нее за спиной пряник.

Том вышел за калитку, прошествовал до конца квартала и свернул в грязный переулок, по которому со всех ног побежал на городскую площадь. Там, по предварительному уговору, уже строились в боевом порядке две армии городских мальчишек. Первой командовал Том, второй – его закадычный друг Джо Гарпер. Оба великих полководца не унижались до того, чтобы драться самим. Это занятие больше подходило мелюзге, а Том и Джо сидели рядом на пригорке и руководили сражением, рассылая приказы через адъютантов.

После упорного и продолжительного боя армия Тома одержала уверенную победу. Обе армии подсчитали потери, обменялись пленными, договорились, когда и из-за чего объявлять войну в следующий раз, и назначили день решительного сражения. После этих формальностей обе армии построились в две шеренги и, чеканя шаг, удалились с поля боя.

Том отправился домой в гордом одиночестве и отличном настроении. Проходя мимо дома Джефа Тэтчера, он увидел в саду незнакомую девочку – очаровательное создание с голубыми глазами и золотистыми волосами, заплетенными в две длинные косы, в белом летнем платье и кружевных панталончиках. Великий полководец, всего полчаса назад увенчанный лаврами героя, сдался в плен без единого выстрела. Некая Эмми Лоренс, внимания которой Том добивался в течение последних нескольких месяцев и которая неделю назад наконец призналась, что любит его, в одночасье была забыта ветреным молодым человеком.

Теперь сердце Тома Сойера было целиком отдано новому ангелу. Том с тоской и восхищением взирал издали на девочку, пока не убедился, что она его заметила. Тогда он притворился, будто не обращает на нее ни малейшего внимания, и начал выделываться перед ней (как делают все мальчишки), стараясь понравиться юной красавице и вы звать ее интерес. Довольно долго Том то вставал на руки, то подпрыгивал каким-то невероятным по своей нелепости образом, то балансировал с прутиком на носу, то со свирепым выражением на лице рубил рукой воздух. Случайно взглянув во время какого-то головокружного акробатического трюка в сторону нового предмета своего обожания, Том увидел, что девочка повернулась к нему спиной и пошла к дому. Весь его пыл мигом иссяк. Неоцененный воздыхатель уныло побрел к забору дома Тэтчеров. Девочка поднялась на крыльцо, но прежде

чем исчезнуть за дверью, обернулась, улыбнулась и перебросила через забор цветок маргаритки.

Том бросился к тому месту, где упал цветок, остановился шагах в двух от прекрасного подарка, затем прикрыл глаза ладонью и стал всматриваться куда-то в даль, словно увидел в конце улицы что-то очень интересное. Потом он поднял с земли соломинку, установил себе на нос и, закинув голову назад, притворяясь, что балансирует, стал придвигаться все ближе и ближе к цветку. В конце концов Том как бы невзначай наступил на него босой ногой. Гибкие пальцы ухватили тонкий стебелек, и, прыгая на одной ноге, Том подхватил свой трофей и скрылся за углом. Убедившись, что ни кто за ним не наблюдает, Том спрятал цветок на груди, у самого сердца.

Вечером, около половины десятого, сжимая в ладони увядший цветок, он снова пришел по безлюдной улице к дому, где жила прекрасная незнакомка. Том перелез через забор, осторожно перебрался через клумбы и стал под окном. Он долго с умилением глядел на освещенный изнутри прямоугольник, потом лег на землю, растянулся во весь рост, сложив руки на груди и прижимая к ней маргаритку. Том подумал, что именно так он хотел бы умереть – одинокий странник, среди равнодушных людей, бесприютная голова, безответное любящее сердце. Наступит радостное летнее утро, Она распахнет окно, выглянет и увидит Тома Сойера таким, каким застигла его безвременная смерть, – в рас-

цвете юной, блистательной, многообещающей жизни. И может быть, прекрасная незнакомка даже проронит над ним хотя бы одну слезинку, чистую, как горный хрусталь...

Окно с шумом распахнулось, резкий окрик служанки нарушил возвышенное ночное безмолвие, и поток холодной воды хлынул на распростертого страдальца.

Потрясенный и возмущенный, герой-любовник едва не захлебнулся. Он вскочил на ноги, неистово отфыркиваясь. В воздухе просвистел камень, послышалось негромкое проклятие, зазвенело, разбиваясь, стекло, и тут же невысокая, едва различимая в сумерках фигурка перескочила через забор и растаяла в темноте.

4. Лауреат

В воскресенье после завтрака тетя Полли собрала детей у себя в комнате для традиционного семейного богослужения. Оно, как всегда, началось с молитвы, построенной на солидном фундаменте из библейских цитат, скрепленных жиденьким цементом собственных комментариев благочестивой старушки. К девяти часам Том, Сид и их старшая сестра Мэри должны были отправиться в воскресную школу. Сид еще несколько дней назад выучил свой урок, а Тому только сейчас пришлось приступить к зазубриванию стихов из Библии.

Он отчаянно старался удержать в памяти отрывок из Нагорной проповеди, выбранный им за то, что там были самые короткие стихи во всей Библии. Однако за полчаса Том не продвинулся ни на шаг, так как мысли его упорно носились далеко, у дома Джефа Тэтчера.

Мэри решила помочь брату и взяла у него книгу, чтобы проверить урок. Спотыкаясь на каждом слове, Том принялся кое-как продирааться сквозь заросли библейской премудрости.

– Блаженны... э-э...

– Нищие...

– Да, нищие; блаженны нищие... э-э-э...

– Духом...

– Духом; блаженны нищие духом, ибо их... ибо они...

– Ибо их...

– Ибо их... Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное. Блаженны плачущие, ибо они... они...

– Ох, Том, дурачок ты этакий! Что ж ты меня пытаешься обмануть! Тебе надо как следует выучить стихи с самого начала. Когда сделаешь, я тебе подарю одну очень хорошую вещь. Ну, давай!

– А какую вещь, Мэри? Ты только скажи, а уж я...

– Не все ли тебе равно, Том? Раз я сказала, что хорошую, значит, хорошую.

– Ладно, Мэри, пойду поднажму.

Том поднажал на стихи и под двойным давлением любопытства и предстоящей награды добился впечатляющих успехов. Через пятнадцать минут он без запинки ответил свой отрывок. За это Мэри подарила брату новый перочинный ножик с двумя лезвиями. Том пришел в бешеный восторг, ухитрился за полчаса изрезать буфет и уже собирался приняться за комод, но тут его позвали собираться в воскресную школу.

Мэри вручила брату жестяной таз с водой, и кусок мыла. Том вышел за дверь и поставил таз на скамейку, брезгливо окунул мыло в воду, после чего положил его на место. Затем Том старательно закатал рукава, осторожно вылил воду на землю, вернулся в кухню и принялся тереть лицо полотенцем, висевшим за дверью. Но провести Мэри было не так-

то легко.

– Как тебе не стыдно, Том, – спокойно сказала она, отнимая у брата полотенце. – От воды еще никому не было вреда. Иди, умойся как следует.

Она снова налила полный таз воды. На этот раз Том постоял над ним некоторое время, собираясь с духом, потом набрал в грудь воздуха и начал умываться. Когда мальчик во второй раз вошел на кухню, зажмурив глаза и ощупью нащаривая за дверью полотенце, по его щекам текла мыльная пена, честно свидетельствуя о предпринятых невероятных усилиях. Однако, когда Том отнял полотенце от лица, выяснилось, что результат получился не совсем удовлетворительный. Чистыми оказались только щеки и подбородок. Они белели, словно маска, а ниже и выше сохранилась серая от грязи кожа.

Тогда Мэри взялась за дело сама. Через пять минут Том вышел из-под рук сестры, уже ничем не отличаясь от других представителей белой расы. Мокрые волосы Тома Мэри быстро и аккуратно пригладила щеткой, ровно и красиво уложив короткие завитки. Это составляло несчастье всей жизни Тома, потому что он был уверен, что кудри делают его похожим на девчонку.

На этом мучения не кончились. Мэри до самого подбородка застегнула на брате чистую курточку от его парадного, костюма, отвернула книзу широкий воротник и надела на голову соломенную шляпу. Теперь Том выглядел очень

нарядно и чувствовал себя ужасно неловко: новый костюм и опрятный вид стесняли его. Том надеялся, что Мэри забудет про башмаки, но его надежда не сбылась. Сестра знаком велела ему обуться, и при этом так ласково и понимающе смотрела на брата, что он покорно опустил на корточки и принялся возиться со шнурками.

Сид был уже готов. Мэри быстро оделась, и дети втроем отправились в воскресную школу. Том ненавидел ее всей душой, а Сид и Мэри любили. В воскресной школе занимались с девяти до половины одиннадцатого, а потом начиналась проповедь, на которую ходить было не обязательно. Сид и Мэри оставались на слушать священника добровольно, а Том – по иным причинам, гораздо более серьезным.

В дверях школы Том немного отстал, чтобы поговорить с одним приятелем, тоже одетым в парадное платье, носить которое, очевидно, не доставляло ему никакого удовольствия.

– Билли, у тебя есть желтый билетик? – поинтересовался Том.

– Есть.

– Что ты просишь за него?

– А что дашь?

– Кусок жвачки и рыболовный крючок.

– Покажи.

Том показал. Приятель остался доволен, и они поменялись. После этого Том совершил еще несколько сделок с другими мальчиками: выменял два белых шарика на три крас-

ных билетика и несколько безделушек на два синих. Еще около десяти минут Том вел бойкую торговлю, покупая билетика разных цветов, потом вошел в церковь вместе с ватагой чистеньких детей, уселся на свое место и дернул за волосы того из ребят, кто сидел ближе. Вмешался важный, пожилой учитель, но едва тот повернулся спиной, Том затеял ссору с мальчишкой, сидевшим перед ним, а затем кольнул булавкой другого мальчика, желая послушать, как тот закричит: «Ой!» и получил еще один выговор от учителя. Все это Том проделывал не в последнюю очередь для того, чтобы не встречаться глазами с Эмми Лоренс, которая то и дело посылала ему нежные многозначительные взгляды.

Не один Том Сойер считался озорником в школе. Весь его класс был как на подбор – беспокойный, шумный, непослушный. Выходя отвечать урок, ни один ученик не мог ответить без запинки, и учителю приходилось всем подсказать. Однако в конце концов урок подошел к концу, и каждый получил награду – маленький синий билетик с текстом из Библии.

В школе была заведена система, при которой за два выученных стиха из Библии ученики получали по синему билету. Десять синих билетиков равнялись одному красному, и их можно было обменять на него. Десять красных билетиков складывались в один желтый, а за десять желтых директор школы торжественно вручал ученику Библию в дешевом переплете, стоившую в то время не больше сорока центов. Выдача награды была редким и памятным событием. Удачли-

вый ученик, лауреат, ответивший две тысячи стихов, в день торжества становился настолько важной персоной, что сердца остальных школьников, по крайней мере на ближайшие пару недель, загорались желанием повторить его подвиг. Мэри, например, в течение двух лет неустанного труда заработала подобным образом целых две Библии. Том, как можно догадаться, никогда не стремился к этой награде. Впрочем, вне всякого сомнения, он жаждал славы и почета, которые сопутствовали ее вручению.

В конце занятий, на кафедре появился директор мистер Уолтерс – невзрачный человек лет тридцати пяти, с рыжеватой козлиной бородкой и коротко подстриженными рыжеватыми волосами. Мистер Уолтерс был очень серьезен, а в душе честен и искренен; он так благоговел перед всем, что свято, и настолько отделял духовное от светского, что незаметно для себя самого в воскресной школе даже говорил другим голосом, не таким, как в будние дни.

– А теперь, дети, – начал учитель, – я прошу вас сидеть как можно тише и прямее и минуту-другую слушать меня очень внимательно.

Однако ученики ерзали и шушукались. Перешептывание было отчасти вызвано появлением гостей: в помещение вошел адвокат Тэтчер в сопровождении незнакомого дряхлого старичка, представительного джентльмена средних лет с седеющими волосами и величественной дамы, должно быть, его супруги. Дама вела за руку девочку.

Как только Том увидел маленькую незнакомку, его лицо просветлело, ибо это был его ангел, его новая любовь. В следующую минуту Том уже старался из всех сил: колотил соседей, дергал их за волосы, строил рожи, – словом, делал все возможное, чтобы очаровать девочку и заслужить ее одобрение. Кроме того, он занялся подсчетом выменянных билетов, и скоро понял, что его час настал и он не зря потратил время перед началом урока.

Гостей усадили на почетное место и, как только мистер Уолтерс окончил свою речь, их представили всей школе. Джентльмен средних лет оказался братом здешнего адвоката, знаменитым окружным судьей Тэтчером. Судья происходил из Константинополя, городка, расположенного на расстоянии двенадцати миль от Сент-Питерсберга, – значит, он путешествовал и повидал свет. Тут уж не только Том, но и каждый принялся «выделываться» перед высоким гостем на свой лад. Джеф Тэтчер, например, вышел вперед, на зависть всей школе, и показал, что он коротко знаком с великим человеком, пожав судье руку на правах родного племянника.

Мистер Уолтерс тоже выделывался изо всех сил, проявляя необыкновенную распорядительность и расторопность, отдавая советы и приказания всем окружающим. Библиотекарь выделывался, бегая взад и вперед с охапками книг и производя много ненужного шума. Молоденькие учительницы выделывались по-своему, ласково склоняясь над учениками, которых только что драли за уши, грозили пальчиком

маленьким шалунам и картинно гладили по головке послушных тихонь. Молодые учителя выделялись, строго выговаривая ученикам и на все лады внедряя железную дисциплину. Почти всем преподавателям неожиданно что-то понадобилось в большом стенном шкафу, который стоял на виду, у кафедры, рядом с которой, греясь в лучах своей славы, на возвышении восседал великий судья Тэтчер, также выделяясь на свой лад.

Словом, школа показала себя высокому гостю во всей красе. Одного только не хватало мистеру Уолтерсу для полного счастья: возможности вручить наградную Библию и похвалиться перед судьей каким-нибудь выдающимся лауреатом. Напрасно директор обводил взглядом, исполненным надежды, своих лучших учеников. Ни у кого не оказалось достаточного количества билетиков.

В ту минуту, когда надежда окончательно покинула мистера Уолтерса, вперед выступил Том Сойер. Он предъявил девять желтых билетиков, девять красных и десять синих и потребовал себе Библию. Это был гром среди ясного неба. Директор смутно угадывал в происходящем подвох, но делать было нечего. Тома пригласили на возвышение, где сидели судья и другие почетные гости, и мистер Уолтерс во всеуслышание провозгласил радостную новость.

Стоять рядом с великим человеком было само по себе потрясающе, таким образом на Тома вместо одной славы сразу как бы обрушилось целых две. Всех мальчиков терзала

безумная зависть, а больше других страдали те, кто слишком поздно понял, что сам способствовал стремительному взлету Тома Сойера, ненавистного выскочки. По меньшей мере половина мальчиков из присутствующих в зале меняли ему билетики на те богатства, которые сами же отдали ему за право белить забор.

Мистер Уолтерс вручил Тому Библию с такой прочувствованной речью, какую только мог выжать из себя при создавшихся обстоятельствах. Эмми Лоуренс и гордилась, и радовалась, и старалась, чтобы Том это заметил по ее лицу, но он не глядел на нее. Это показалось девочке странным, в сердце ее проснулась ревность, она стала смотреть по сторонам, ища причину его внезапной холодности, и слезы заблестели у бедняжки на ресницах. От взгляда Эмми не ускользнуло то, какими глазами ее избранник и сегодняшний лауреат смотрел на дочку судьи Тэтчера.

Тома представили судье, но мальчик не смог выдавить из себя ни слова, подавленный грозным величием этого человека, и, главным образом тем, что это был ее отец. Судья погладил Тома по голове, назвал его славным мальчиком и поинтересовался, как его зовут.

– Том, – с трудом выдавил лауреат.

– Нет, не Том, а...

– Томас.

– Замечательно, Томас. У тебя ведь есть и фамилия, и ты мне ее, конечно, скажешь?

– Скажи джентльмену, как твоя фамилия, Томас, – вмешался учитель, – и не забывай добавлять «сэр». Веди себя как следует.

– Томас Сойер... сэр, – едва дыша, произнес Том.

– Молодец, Томас. Славный мальчик. Так значит, ты лауреат. Мне сказали, чтобы заслужить Библию, надо выучить две тысячи стихов. Это очень, очень много. Мы все гордимся тобой. А теперь не прочтешь ли ты мне и этой леди что-нибудь на твой выбор?

Том молчал, судорожно сглатывая слюну. Даже утренний урок из Нагорной проповеди улетучился у него из памяти.

– Я не сомневаюсь, ты помнишь имена всех двенадцати апостолов, – пришла на помощь жена судьи. – Скажи нам, как звали двоих первых учеников Христа?

Том отчаянно теребил пуговицу на куртке и оступело смотрел на судью. При последних словах дамы он покраснел и опустил глаза. Душа мистера Уолтерса ушла в пятки. Он знал, что мальчишка не может ответить даже на самый простой вопрос, и про себя ругал судью и его жену за то, что те прицепились к Тому с вопросами. Однако ситуация требовала его вмешательства.

– Отвечай джентльмену, Томас, не бойся, – вставил он.

Том затаил дыхание, надеясь, что сможет раствориться в воздухе.

– Конечно, он знает, – с ободряющей улыбкой кивнула дама. – Он сейчас скажет. Первых двух апостолов звали...

– Давид и Голиаф! – выпалил Том.

5. Жук и его жертвы

Около половины одиннадцатого зазвонил надтреснутый церковный колокол. Почти сразу же к утренней проповеди начал собираться народ. Ученики воскресной школы разбрелись по церкви и расселись на скамейках вместе с родителями, чтобы быть у них под присмотром. Пришла и тетя Полли. Сид с Мэри сели рядом с ней, а Тома посадили поближе к проходу подальше от открытого настежь окна и соблазнительного летнего пейзажа.

В церкви водворилось торжественное молчание, которое нарушало только приглушенное хихиканье и перешептывание певчих на хорах. Проповедник с чувством прочел гимн, а затем приступил к молитве о церкви, о детях, о городке, о штате, о стране, о Конгрессе и о президенте, о тех, кто в море, о язычниках и праведниках.

Это была очень великодушная и щедрая молитва, но Том нисколько не радовался ей, он только терпел, насколько у него хватало сил, эту неизбежную процедуру. Тому не сиделось на месте и он вертелся, как уж на сковородке, не вникая в суть произносимых слов.

К середине молитвы на спинку скамьи перед Томом уселась муха и долго не давала мальчику покоя. Злосчастное насекомое то потирало сложенные вместе лапки, то обхватывало ими голову и с такой силой терло ее, что, казалось,

голова вот-вот оторвется от туловища. Однако, как ни чесались у Тома руки поймать муху, он не решался сделать это во время богослужения, потому что верил, что тем самым окончательно загубит свою душу. Впрочем, едва священник произнес последние слова проповеди, рука Тома дрогнула и непроизвольно поползла вперед. В тот момент, когда прозвучало «аминь», муха угодила в западню. К сожалению, тетя Полли поймала племянника на месте преступления, и муху пришлось выпустить.

После этого мучения Тома возобновились, потому что священник монотонным голосом начал проповедь. Сухие рассуждения и утомительные отсылки к тексту Библии навели на мальчика тоску. Вдруг он вспомнил, что в кармане у него лежит настоящее сокровище, и немедленно извлек его оттуда. Это была коробочка из-под пистонов, в которой сидел большой черный жук-кожеед с громадными челюстями.

Едва Том открыл коробочку, кожеед первым делом вцепился хозяину в палец. Кричать было нельзя, и Том резко дернул рукой, стараясь подавить боль. Жук сорвался, отлетел в проход между скамьями и шлепнулся на спину. Том сунул палец в рот и с досадой смотрел, как жук лежит на спинке, беспомощно шевеля лапками, не в силах перевернуться. Тому очень хотелось его достать, но кожеед лежал очень далеко, и дотянуться до него не было никакой возможности.

Многие прихожане, также порядком утомленные скучной проповедью, теперь наши себе новое занятие и с увлечением

стали рассматривать барахтающегося в проходе жука. В этот момент в церковь забрел разморенный летним зноем пудель. Увидев жука, пес словно ожил и тотчас приветливо завилял хвостом. Он оглядел добычу, обошел ее кругом, обнюхал издали, еще раз обошел, и наконец дотронулся до кождеда мордой. В тот же миг жук вцепился врагу в челюсть мертвой хваткой. Раздался пронзительный визг. Пудель отчаянно замотал головой, кождед отлетел шага на два в сторону и снова шлепнулся на спинку. Том был в восторге. Почти все прихожане теперь повернулись в сторону жука, трясясь от беззвучного хохота и пряча лица за веерами и носовыми платками.

Оскорбленный пудель жаждал мести. Он осторожно подкрался к жуку и принялся наскакивать на него, мотая головой из стороны в сторону. Скоро ему это наскучило, и пес принялся смотреть по сторонам, совершенно забыв о грозном насекомом. В конце концов он зевнул и, собираясь развалиться на полу в проходе, уселся на жука.

Резкий визг всколыхнул сонную тишину. Пудель стрелой помчался по проходу. Отчаянно воя, он пролетел перед алтарем, заметался по церкви, с воем пронесся обратно и, обезумев от боли, прыгнул на колени к хозяину. Тот резким движением выкинул пса за окно. Обиженный вой, ослабевая, замер где-то в отдалении.

К этому времени все в церкви сидели с красными лицами, давась от смеха. Довести проповедь по кульминации священнику не удалось. Слишком откровенно прятались прихожане

за спинки высоких скамеек, хрипя от хохота, а если дамы и вытирали платочками уголки глаз, то не потому, что на них оказало такое воздействие прочувствованные слова служителя Божьего. И для паствы и для пастыря было огромным облегчением, когда эта пытка кончилась и прозвучало долгожданное «аминь».

Том Сойер шел домой в самом веселом настроении, рассуждая про себя, что и церковная служба бывает иногда не так уж плоха, если внести в нее некоторое разнообразие.

6. Бекки Тэтчер

В понедельник утром Том проснулся, чувствуя себя совершенно несчастным. Подобное настроение всегда посещало его в понедельник утром, потому что в этот день начиналась новая неделя мучений в школе.

Том лихорадочно придумывал, что бы такое предпринять, чтобы не ходить на занятия. Ему пришло в голову, что какое-нибудь серьезное недомогание сейчас было бы очень кстати. Том внимательно прислушался к своему организму. Тот работал как часы, ничего не болело, не обнаружилось даже намека на простуду или резь в животе. Впрочем, поиски привели к некоторому положительному результату. Во рту шатался верхний зуб. Поздравив себя с удачей, Том уже собрался было застонать, но вовремя понял, что если явится к тетке с жалобой на больной зуб, ты просто удалит его подручными средствами и немедленно отправит племянника в школу.

Пришлось придумывать другой вариант. Том вытащил из-под простыни ногу. Большой палец у него на ступне был обвязан тряпочкой. На днях Том наступил на осколок стекла, и тетя Полли забинтовала крошечную ранку. Кровь давно уже не шла из пальца, но Тому вдруг очень кстати вспомнилось, как знакомый доктор как-то рассказывал при нем, что у одного его пациента была болезнь, уложившая его в постель

недели на две. У пациента загноилась рана на пальце, и доктор даже хотел отрезать этот палец, но потом все обошлось.

Том забыл, как называлась эта болезнь, но на всякий случай решил попробовать и громко за стонал. Сид крепко спал, ничего не подозревая. Том застонал громче, и ему показалось, что палец у него в самом деле начинает болеть.

Сид невозмутимо сопел носом. Том совсем запыхался от натуги. Он перевел дух, потом собрался с силами и несколько раз вскрикнул, а потом поднялся на локте и потряс спящего. Сид зевнул, потянулся, привстал и уставился на Тома ничего не понимающими сонными глазами. Том закатил глаза и продолжал жалобно стонать.

– Том! – позвал Сид.

Ответа не последовало.

– Что с тобой, Том? – Сид схватил брата за плечи, испуганно заглядывая ему в глаза.

– Не надо, Сид, – слабо пролепетал Том, облизывая языком сухие губы. – Не трогай меня.

– Да что случилось, Том? Я позову тетю...

– Нет, не надо. Может, само пройдет. Не зови никого.

– Как же не звать? Перестань, Том, что ты так жутко стоишь... Давно это у тебя?

– Я тебе все прощаю, Сид, – не обращая внимания на вопрос брата, замогильным голосом проговорил Том. – Все, что ты мне сделал. Когда я умру...

– Ох, Том, неужели ты умираешь? – испугался Сид. – Не

надо, Том, перестань. Может, еще...

– Я всех прощаю, Сид, – простонал Том. – Передай им, Сид. И последнее... Прошу тебя, Сид, отдай мою оконную раму и одноглазого котенка новой девочке, которая недавно приехала, и скажи ей...

Тут Сид не выдержал. Он схватил в охапку свою одежду и бросился вниз по лестнице, громко топая ногами и на ходу зовя тетю Полли. В следующую минуту перепуганная старушка уже вбегала в комнату племянников, а взволнованная Мэри следовала за ней по пятам.

– Что с тобой, Том, что случилось, мой мальчик?

– Ой, тетечка, это конец! У меня на пальце гангрена! – выпалил Том, вспомнив наконец название своей мнимой болезни.

Тетя Полли упала на стул и сначала засмеялась, потом заплакала, потом и то и другое вместе.

– Ну, и напугал ты меня, Том! – выдохнула она наконец. – Ну ладно. Брось эти глупости и вставай.

Стоны прекратились, и боль в пальце бесследно улетучилась. Том почувствовал себя довольно глупо.

– Тетя Полли, – начал он, – мне показалось, что это гангрена, и было так больно, что я совсем забыл про зуб.

– Ах, зуб! И что же у тебя с зубом?

– Один зуб наверху шатается и болит так, что просто ужас.

– Ладно, только не вздумай опять стонать. Открой рот. Ну да, зуб шатается. Ничего, Том, от этого еще никто не умирал.

Мэри, принеси мне шелковую нитку и горящую головню из кухни.

Том мигом понял, что зуб будет вырван и что он по глупости сам себе вырыл яму.

– Тетечка, только не надо его дергать, – взмолился Том. – Он уже совсем не болит, я все равно пойду в школу...

– Так ты все это затеял ради того, чтобы не ходить в школу? – догадалась тетя Полли. – Ну уж нет! Мы-то к тебе со всей душой, Том, так перепугались, а ты, оказывается, не знаешь что придумать, чтобы удрать на реку удить рыбу!

Вошла Мэри, неся орудия для удаления зуба. Тетя Полли сделала из шелковой нитки петельку, крепко обмотала ею больной зуб, а другой конец нитки привязала к кровати. Потом, схватив пылающую головню, она ткнула ею чуть не в самое лицо Тому. Тот испуганно отшатнулся. Зуб выскочил и повис, болтаясь на ниточке.

За всякое испытание человеку полагается награда. Когда Том шел после завтрака в школу, ему завидовали все встречные мальчишки, потому что в верхнем ряду зубов у него зияла пустота, дырка, через которую можно было плевать и свистеть новым замечательным способом.

По пути в школу Том повстречал Гекльберри Финна, сына первого городского пьяницы. Женщины, имевшие детей, особенно сыновей, всем сердцем ненавидели и презирали Гека, считая его лентяем и озорником, не признававшим никаких правил. Они боялись юного бродягу потому, что их

дети восхищались Гekom и стремились к его обществу, хотя им это строго запрещалось.

Гекльберри делал, что хотел, бродил, где вздумается, ночевал в пустой бочке из-под сахара. Поскольку никто за ним не следил, он гулял до глубокой ночи и поздно ложился спать. Весной Гек первым выходил на улицу босиком и последний обувался осенью. Ему не надо было ни умываться, ни одеваться во все чистое. Кроме того, он был мастер ругаться, и никто его за это не наказывал. Словом, у маленького оборванца было все, что придает жизни цену, и мальчишки из хороших семей завидовали Геку черной завистью.

– Здорово, Гек! – окликнул его Том.

– Привет, Том.

– Что это у тебя?

– Дохлая кошка.

– Дай-ка поглядеть. Уже окоченела, надо же... Где ты ее взял?

– Купил у одного мальчишки.

– А что дал?

– Синий билетик и бычий пузырь, который раздобыл на бойне.

– Откуда у тебя синий билетик?

– Купил у Бена Роджерса за палку для обруча.

– Слушай, Гек, а на что годится дохлая кошка?

– На что годится? Сводить бородавки, например.

– А я слышал, что их сводят бобом.

– Верно, бобом тоже можно. Я так делал.

– Серьезно? Как же ты сводил бобом?

– Берешь боб, разрезаешь пополам, потом прокалываешь бородавку, чтоб показалась кровь, капаешь кровью на половину боба, роешь ямку и зарываешь боб на перекрестке в новолуние, ровно в полночь.

– А другую половинку?

– Ее надо сжечь. Тогда та половинка, на которой кровь, будет все время притягивать другую, а кровь тянет к себе бородавку. Оглянуться не успеешь, как бородавка сойдет.

– А как их сводят дохлой кошкой?

– Да очень просто: берешь кошку и идешь на кладбище ночью, после того как там похоронили какого-нибудь большого грешника. Ровно в полночь явится черт, а может, даже два или три. Ты их, конечно, не увидишь, услышишь только, будто ветер шумит. Когда они потащат грешника, тогда и надо бросить кошку им вслед и сказать: «Черт за мертвецом, кошка за чертом, бородавка за кошкой, я не я, и бородавка не моя!» Вот и все.

– Слушай, Гек, ты когда думаешь попробовать кошку?

– Сегодня ночью. По-моему, черти должны нынче прийти за старым Вильямсом.

– Точно, за Вильямсом. Хотя... Гек, ведь его похоронили в субботу. Разве черти не забрали его той же ночью?

– Чепуху ты несешь, Том! Колдовство не может подействовать до полуночи. А там уж и воскресенье наступило.

Не думаю, чтобы чертям можно было шляться где попало по воскресеньям.

– Правильно. Возьмешь меня на кладбище, Гек?

– Возьму, если не струсíš.

– Еще чего! Приходи ночью под окно. Сигнал прежний?

– Да, я тебе снизу мяукну.

– Послушай, а это что у тебя? – поинтересовался Том, глядя на маленькую коробочку, которую Гек как бы невзначай извлек из кармана широченных, с чужого плеча, штанов, волочившихся немного по земле.

– Так, ничего особенного. Клещ.

– Где взял?

– В лесу нашел.

– Что просишь за него?

– Не знаю. Не хочется продавать.

– Не хочешь, не надо. Да и клещ какой-то уже очень маленький.

– Конечно, Том, чужого клеща обругать ничего не стоит. А я своим клещом доволен. По мне, и этот хорош.

– Клещей везде сколько хочешь, Гек. Я сам хоть тысячу наберу, если мне надо будет.

– Так чего же не наберешь? Отлично знаешь, что не найдешь ни одного. Это самый ранний клещ. Первый в этом году.

– Слушай, Гек, я тебе отдам за него свой зуб.

– Ну-ка, покажи.

Том вытащил и осторожно развернул бумажку с зубом. Гекльберри с завистью стал его разглядывать. Искушение было слишком велико.

– А он настоящий? – притворно-равнодушно спросил Гек.

Том приподнял губу и предъявил пустое место в верхнем ряду.

– Ну ладно, – согласился Гекльберри, – по рукам!

Том посадил клеща в коробочку из-под пистонов, где раньше сидел жук, и мальчики расстались, причем каждый считал, что провернул крайне выгодную сделку.

Дойдя до бревенчатого школьного домика, стоявшего на окраине, Том заторопился. Он знал, что опоздал. В классе стоял мерный гул – ученики добросовестно твердили уроки. Том повесил шляпу на гвоздь и с деловитым видом хотел было прошмыгнуть на свое место. Учитель, мистер Доббинс, восседавший на кафедре в большом плетеном кресле, дремал, но появление Тома разбудило его.

– Томас Сойер!

Том знал, что когда его имя произносят полностью, это предвещает неприятности.

– Здесь, сэр.

– Подойдите ближе, – подозвал учитель. – По трудитесь объяснить, по какой причине вы опять опоздали.

Том хотел было соврать, чтобы избавиться от наказания, но в этот миг в глаза ему бросились две длинные золотистые косы. Он мгновенно узнал ту, которой они принадлежали,

ту, которая так небрежно закинула их за спину, – свою любовь. Единственное свободное место в классе было рядом с этой девочкой – новенькой. План созрел в мозгу Тома во мгновение ока.

– Я болтал на улице с Гекльберри Финном! – смело объявил Том.

В классе повисла гробовая тишина. Мистера Доббинса чуть не хватил удар. Он окончательно проснулся и, окаменев от изумления, уставился на Тома.

– Томас Сойер, это самое поразительное признание, какое я слышал, находясь на своем посту! – повысил голос учитель. – Неслыханно! За такой проступок вы заслуживаете серьезного наказания. Снимайте куртку.

В школе существовало два вида наказаний: побои линейкой по рукам и настоящая порка розгами. Как и предполагал Том, линейкой на этот раз дело не обошлось. Рука мистера Доббинса трудилась до полного изнеможения, и запас розог на сегодня стал значительно меньше.

– А теперь, сэр, отправляйтесь и сядьте с девочками! – последовал приказ.

Учитель полагал, что смертельно оскорбил гордость Тома, но он заблуждался. Том добивался именно такого поворота событий. Он смущенно проследовал к парте, за которой сидела новенькая и, боясь слишком явно порадоваться своей удаче, с насупленным видом присел на краешек скамьи. Сначала другие ученики перешептывались и показывали на

него пальцами – наказание, и вправду, считалось в высшей степени позорным. Однако спустя несколько минут все вернулись к своим делам, и в сонном воздухе снова послышалось унылое гудение.

Том украдкой взглянул на соседку. Она это заметила, презрительно поджала губки и повернулась к Тому спиной. Когда же новенькая осторожно обернулась, она обнаружила, что перед ней лежит персик. Она отодвинула его в сторону. Том мягким настойчивым движением положил подарок на прежнее место. Девочка снова его отвергла, но уже не так решительно. Том нацарапал на грифельной доске: «Пожалуйста, возьмите у меня есть еще». Девочка посмотрела на доску, но ничего не ответила. Тогда Том принялся что-то рисовать на доске, прикрывая свое произведение левой рукой. Скоро женское любопытство победило женскую гордость, и новенькая попробовала исподтишка взглянуть на рисунок.

– Можно мне посмотреть? – нерешительно шепнула она.

Том охотно приоткрыл свое творение. Это оказался кривобокий домик с трубой, из которой штопором выходил дым.

– Здорово! – улыбнулась девочка. – А теперь нарисуйте человечка.

Художник изобразил перед домом человечка, больше напоминавшего подъемный кран. Он мог бы перешагнуть через дом, но девочка судила не слишком строго.

– Какой красивый! – прошептала новенькая. – А теперь

нарисуйте меня.

Том нарисовал песочные часы, увенчанные полной луной, приделал к ним ручки и ножки в виде соломинок и вооружил растопыренные пальцы огромным веером. Девочка опять улыбнулась.

- Какая прелесть! Жалко, что я не умею рисовать.
- Хотите, – шепотом предложил Том, – я вас научу?
- Хочу, конечно! Правда, научите? А когда?
- На большой перемене. Вы пойдете домой обедать?
- Я могу остаться, если хотите.
- Конечно, хочу! Как вас зовут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.